

РАЗДЕЛ VI. АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

ББК 83.3(2=411.2)

УДК 821.161.1

А. А. Чевтаев¹

*Российский государственный
гидрометеорологический университет
achevtaev@yandex.ru*

СИМВОЛИКА «ПШЕНИЦЫ» В «ДИКОЙ ПОРФИРЕ» М. ЗЕНКЕВИЧА: АДАМИЗМ И ХРИСТИАНСКАЯ АКСИОЛОГИЯ

В статье впервые рассматривается спектр значений, порождаемых знаком «пшеница» в первой книге стихов М. А. Зенкевича «Дикая порфира» (1912). Стремление постичь природно-материальную целостность универсума в различных его проявлениях обуславливает актуализацию в стихотворениях поэта реалий растительного мира. Центральное место среди представителей флоры в поэтике «Дикой порфиры» занимает «пшеница», помещенная в сильную позицию структурно-семантической организации ряда стихотворных текстов третьего раздела книги («Лирика»). Высказывается гипотеза, что «пшеничная» символика соединяет природные, мифологические и христианские контексты утверждаемого в творчестве М. Зенкевича «адамитического» миропонимания. Несмотря на эксплицированную в лирике поэта «материальную» версию акмеистического адамизма, семантический потенциал исследуемого элемента поэтической флоры способствует верификации путей одухотворения миропорядка. Структурно-семиотический анализ четырех стихотворений поэта, в которых изображается «пшеница» и ее дериваты, показывает, что данный знак продуцирует идеологему сопоставления жизни и смерти в их ценностном единстве. Раскрывающие солярные смыслы онтологического преобразования тварного мира, «колосья пшеницы» оказываются проводником христианской аксиологии. Формирующийся ряд смысловых соответствий «пшеница – солнце – Христос» порождает идеологему пути к конвергенции материального и духовного начал. При этом

---

¹ Чевтаев Аркадий Александрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия.

актуализация христианских коннотаций в поэтике М. Зенкевича не только не исключает, но, напротив, усиливает мифопоэтические значения аграрно-природной действительности. Символизируя циклическую взаимосвязь витального и мортального аспектов бытия, «пшеничный колос» вскрывает единство земной материи и соляной одухотворенности мироздания. Делается вывод о совмещении в художественной символике «пшеницы» природных, мифопоэтических и христианских смыслов, взаимодействие которых раскрывает сущностные основания художественной аксиологии, эксплицируемой в поэтике «Дикой порфиры». Явленный «пшеничными» знаками поиск единства жизни и смерти очевидно является высшей ценностью в «адамистическом» универсуме М. Зенкевича.

Ключевые слова: лирический субъект, М. Зенкевич, поэтика адамизма, поэтическая флора, сюжетостроение, христианская аксиология, художественная символика

Первая книга стихотворений М. А. Зенкевича «Дикая порфира» (1912) репрезентирует такой поэтический универсум, в котором акмеистическое стремление к познанию эмпирического измерения бытия воплощается в смысловом сопряжении различных уровней онтологической организации тварного мира. В своей версии декларируемого акмеистами возврата к Адаму как ценностному центру миропорядка поэт переступает антропологические рубежи и выходит к постижению субстанциональных первооснов вселенной. Как точно замечает О. А. Лекманов, концептуальным основанием адамизма, утверждаемого в «Дикой порфире», оказывается «возвращение к диалогу с первозданной Материей» [5, 64]. В такой диалог втягиваются разнородные бытийные феномены, объединяемые их глубинной укорененностью в материально-природную логику развертывания мироздания и вскрывающие «темное родство» человека с природой как таковой.

Смысловое единство первой книги стихов поэта обеспечивает «взаимодействие и противостояние трех миров: макромира (земли и космоса), “среднего мира” (человека) и “нижнего мира” (природно-биологического)» [3, 27]. Эти бытийные структуры единого универсума, в точке соприкосновения которых осознает себя лирический субъект М. Зенкевича, осмысляются прежде всего в аспекте их причастности эмпирике существования. При этом в творчестве поэта происходит реорганизация представлений о «посюстороннем» и потустороннем измерениях бытия: потусторонность связывается не с

духовным, а с материальным миром, и главной тайной вселенной является тайна материи в её первородстве и различных модусах космического, биологического и исторического становления.

Абсолютизация первородной материи, ее тварного потенциала и эмпирических результатов, задающая магистральный вектор смыслообразования в структурно-семантической организации книги «Дикая порфира», свидетельствует о сложности сопряжения авторской точки зрения на бытие с христианской парадигмой миропонимания. Если в «адамистических» исканиях других поэтов-акмеистов (например, Н. С. Гумилева, А. А. Ахматовой, В. И. Нарбута) христианство как культурная, историческая, религиозная и персоналистическая система ценностей в той или иной степени проступает в качестве смыслового ориентира, то в мифопоэтике М. Зенкевича христианская аксиология сдвигается на периферию конструируемого художественного универсума и чаще всего уступает место иным семантическим кодам. Высшие пределы духовного самоопределения лирического субъекта здесь очевидно связываются с природно-материальным движением мироздания. Однако вряд ли можно говорить о полной элиминации христианских смыслов в концепции «Дикой порфиры», так как и акцентированный в ряде стихотворений образ Христа, и художественная символика книги показывают значимость христианства для авторского сознания М. Зенкевича и свидетельствуют об их интеграции в «природно-материальный» адамизм.

Акцентируемое в творчестве поэта постижение материи в её земном воплощении и продуцируемая им экспликация земледельческих мифологических кодов порождают такую модель миропорядка, в которой оказывается возможным пересечение и совмещение «материального» адамизма и христианства. Так, Е. Д. Полтаробатько указывает, что христианская система ценностей в поэтике М. Зенкевича актуализируется посредством «соотнесения образа Христа с древним аграрным божеством» и проекцией «христианского искупления <...> на архаическую традицию, которая связывает со смертью бога начало нового аграрного цикла» [7, 13]. Думается, что принципиально значимая для художественного сознания поэта дихотомия витального и смертного начал бытия и поиск возможностей ее преодоления обуславливают сопряжение мифопоэтических и христианских коннотаций в семиозисе аграрных и природно-растительных знаков, репрезентируемых в поэтике М. Зенкевича, тем самым вскрывая логику

взаимодействия природных и религиозных смыслов «адамистического» универсума.

В предлагаемой статье мы сосредоточим внимание на выявлении смыслового потенциала художественного знака «пшеница», занимающего одно из центральных мест в системе аграрных реалий поэтического мира «Дикой порфиры» и ценностно выделяемого авторским сознанием М. Зенкевича среди других представителей флоры. «Пшеничная» символика первой книги стихов поэта до сих пор не становилась предметом литературоведческого рассмотрения, однако именно «пшеница» оказывается знаком соединения природных, мифологических и христианских контекстов концептуализируемого в «Дикой порфире» «адамистического» миропонимания.

«Пшеница» и ее дериваты обнаруживаются в знаковой системе четырех стихотворений М. Зенкевича, включенных в состав книги и помещенных в ее третий раздел «Лирика», в котором происходит рефлексивное соединение «геолого-палеонтологического» (раздел «Материя») и «историко-географического» (раздел «История») векторов субъектного самоопределения и их проецирование в сферу персоналистической репрезентации миропорядка. Именно «пшеничная» семантика открывает эту часть «Дикой порфиры» и, помещенная в сильную позицию начала раздела, задает код смыслообразования в развертываемых лирических медитациях.

Инициальное стихотворение раздела «Лирика» «Как янтарь, золотистые зерна пшеницы...» (1912) сразу же актуализирует рассматриваемый «растительный» знак, включая его в систему зерновой поэтической флоры и определяя его аксиологический потенциал:

Как янтарь, золотистые зерна пшеницы,
Низкорослы овсы, ржаво-красен ячмень,
И спускается тихо лиловая тень
Остудить запыленные оси и спицы [2, 73].

«Пшеница», открывая ряд растений, созерцаемых лирическим субъектом, с одной стороны, обнаруживает похоронную семантику [4, 100], подкрепляемую иными соприродными знаками («овес» и «ячмень»), а с другой – свидетельствует о присутствии соляного начала в затихающем, «теновом» мире. В традиционной мифопоэтике «колосья или снопы пшеницы и других зерновых <...> символизируют плодородие земли, пробуждающуюся жизнь, возникающую из смерти, зарождение и рост посредством силы Солнца» [4, 100]. Соответственно, появление «тени», обозначающей затихание/умирание природного мира, оказывается отмеченным

«солнечной» витальностью «пшеничного» растительного бытия, которое уравнивает смертный смысл наступающего вечера:

О, закат! Этот пурпур, пред ночью разлитый,
И огнисто-бесшумную бурю твою,
Точно рыбы у проруби, ломом пробитой,
Я, как красными жабрами, легкими пью! [2, 73]

«Пурпур» закатного пейзажа, сменяющий умиротворение «соляно-пшеничной» реальности, эксплицирует ключевую дихотомию «Дикой порфиры»: соприкосновение «красного» и «золотого» цветов. Эти цветочные знаки, как констатирует О. А. Лекманов, в книге М. Зенкевича символизируют телесно-материальное и духовно-мистическое начала и образуют онтологический каркас моделируемого мира [6, 22]. В соответствии с такой моделью бытия ценностным ядром субъектного самополагания в конструируемом универсуме оказывается «познание себя с двух позиций – как существа соприродного (символика “красного”) и сверхприродного (символика “золотого”» [10, 123]. Поэтому «золотистые зерна пшеницы» и закатный «пурпур» маркируют пространственную точку схождения духовных и материальных феноменов бытия, и в таком антиномичном пространстве осуществляется самоопределение субъектного «я».

Как видно, лирический субъект, отождествляя себя с «рыбой», являющейся изначальным христианским символом (др.-греч. ἰχθύς – монограмма Христа: “Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ Υἱός, Σωτήρ” (‘Иисус Христос Божий Сын Спаситель’)), выходит из «золотого» мира покоя в «красный» мир бури, и эта оппозиция эксплицирует онтологическое раздваивание его «я». Он предстает и «пшеничным» созерцателем соляного спокойствия природы, и «рыбьим» глашатаем закатного миропорядка, а так как «пшеница», обозначая «солнце», имплицитно представляет Христа, в христианской символической совпадающей с «солнечным» измерением универсума, то семантический контур репрезентируемого мира обнаруживает явные евангельские коннотации. Думается, что именно это со-противопоставление природных знаков («пшеницы» и «рыбы») оказывается своеобразным «примирителем» природно-материального адаизма и христианской аксиологии в структуре данного стихотворения М. Зенкевича.

Соизмерение аграрных реалий и христианства получает концептуальное развертывание во втором стихотворении раздела «Лирика», заглавие которого – «В пшенице» (1912) – тематически и пространственно эксплицирует магистральный вектор его семиозиса.

«Пшеничный» мир здесь мыслится тем пространством, в котором возможно бытийное преображение:

Мечта иссякшая, кались в огне, как жницы,
И серп зазубренный тупи и вновь точи –
Там, в море разливному без края и границы,
Где ситцы синие средь золота пшеницы
Цветут, как васильки, как маки – кумачи [2, 73]!

«Золото пшеницы», как видно, определяет пространственную гармонию миропорядка, при этом антропологическая воля («серб зазубренный») преодолевается природной бесконечностью («море разливное»), и в этом аграрном пространстве свершается подлинное событие динамического развертывания универсума – появление Христа и Его апостолов:

Там слушай вечером, сокрывшись меж стеблями,
И меркнувшей зарей вдруг снова вспыхнет пламя,
Овеяв пыльный путь благоуханьем роз,
И белым призраком над тихими полями
С толпой апостолов пройдет вдали Христос [2, 73].

«Пшеничная» реальность, к слиянию с которой стремится лирический субъект, здесь обретает природную полноту, которая ознаменована грядущим явлением Христа в эмпирике миропорядка. Если Христос в стихотворении «Слепцы», одном из завершающих предшествующий раздел книги, предстает как карающий Судия (Ср.: «И потом пропойте мне сказания, / Что сложили вы для умиления / Про земные страсти и страдания, / Про мой суд и светопреставление!!!» [2, 71]), то здесь Он оказывается носителем сакральной истины, еще не понятой человечеством, что индексировано пространственно-аксиологической дистанцией между созерцательной субъектной позицией и появляющимся в кругу учеников-апостолов Христом («пройдет вдали»). Сакрализация Христа в поэтике данного стихотворения вскрывает его «адамистическое» значение: Он предстает в эзотерической ипостаси путника, и тем самым Его жертвенный путь осмысливается как онтологическое движение в эмпирике обыкновенной дороги, сопряженной со страданиями и их преодолением. Это акцентируется в финальной точке сюжетного развертывания текста:

С чуть слышным шелестом по сторонам дороги
Колосья пышные нагнутся до земли,
Но синие глаза задумчивы и строги,
И Он идет омыть запекшиеся ноги
В елее золотом – в размолотой пыли [2, 73].

«Колосья пышные» предстают одновременно и знаком христианского смирения, и репрезентантом в «вечерних» координатах бытия «солярного мира», который воплощается божественной волей Христа. Очевидно, что в концепции М. Зенкевича «пшеничная» ипостась Христа восходит к мифопоэтике русского символизма, в которой, как указывает А. Ханзен-Лёве, ««колос», происходящий из зерна, сопричастен <...> золотой природе солнца и, подобно, стволу дерева, создает вертикальную связь между небом и землей, “даром” небес и “жертвой” земли» [14, 620]. Так, например, солярная мифология «зерна» становится основой символистской модели мира в поэзии К. Д. Бальмонта, в которой «зернистая» флора наделяется функцией проводника в высшие сферы мироздания (Ср.: «О, победное Зерно! / Гроздь ягод Бытия! / Будет белое вино, / Будет красная струя! / Протечет за годом год, / Жизнь не может не спешить. / Только колос не пройдет, / Только гроздь будут жить» («Земля» (1905)) [1, 224]; «Как ни странно это слышать, все же истина верна: – / Свет противник, мрак помощник прорастанию зерна. / Под землею призрак жизни должен выждать нужный срок, / Чтобы колос золотистый из него родиться мог» («Черный» (1905)) [1, 181]).

В рассматриваемом стихотворении соотношение солярных смыслов «пшеницы» и «размолотой пыли» Христового пути оказывается принципиально важным, так как здесь смыкаются материальное и духовное измерения бытия, дихотомию которых жаждет разрешить лирический субъект М. Зенкевича. При этом «пшеничные» знаки, получающие в стихотворении солярные коннотации, эксплицируют христианскую символику таинства Евхаристии: «пшеница» традиционно связывается с явленным в «хлебе» «телом Христовым, благодатью, праведным, Божьим» [4, 100], то есть вскрывают путь к Причастию как приобщению к жертвенности Господа. «Задумчивость и строгость» взгляда Христа становится знаком подлинного смысла существования, который еще не явлен всему тварному миру и открывается пока только пшеничной флоре.

Однако «колосья пшеницы» здесь обнаруживают и мифологическую семантику, восходящую к античной архаике. «Пшеница», являясь атрибутом древнегреческой богини плодородия и земледелия Деметры, именование которой указывает на её буквальное родство с материально-природным миром (др.-греч. *Ἀνητήρ* – ‘мать-земля’), репрезентирует растительную органику материи, что согласуется с «земным» («геологическим») адамизмом М. Зенкевича (Ср.: «О мать Земля! Ты в сонме солнц блестела, / Пред алтарем смыкаясь с ними в круг, / Но струпиями, как Иову, недуг

/ Тебе изрыл божественное тело» («Земля» (1911)) [2, 48]). Так как в мифологическом мировосприятии «плодородие земли не мыслится вне представления о неизбежной смерти растительного мира, без которой немислимо его возрождение во всей полноте жизненных сил» [8, 365], то Деметра олицетворяет собой соединение витального и мортального аспектов бытия. Это воплощается в ритуальной практике посвященных богине Элевсинских мистерий, высшим символом которых предстает «пшеничный колос», обозначающий связь жизни и смерти и неизменное возрождение мира. При этом античной точке зрения на устройство универсума в целом присуще использование аграрной символики в качестве аксиологического кода при описании круговращения витального и мортального этапов бытийной самоактуализации человека. Как отмечено О. М. Фрейденберг, архаическое видение мироздания уподобляет человеческую смерть посеву, предполагающему грядущее вырастание: «Для земледельцев человек создан землей и подобен растению; ‘умерший’ – это зерно» [13, 86]. Думается, что подобная «деметрическая» семантика «зерна» и «колоса» свойственна «пшеничным» знакам в поэтике «Дикой порфиры», так как поиск органичного (и органического) единства умирания и возрождения является одним из ключевых параметров художественной идеологии М. Зенкевича. Возможность материально-телесного и духовного возрождения предстает одной из высших ценностей в «адамистическом» универсуме поэта. Соответственно, «пшеница» оказывается проводником этой идеологии и в аграрно-мифопоэтическом, и в христианском контекстах миропонимания.

Конечно, «пшеничные» реалии в лирике М. Зенкевича, являясь маркером эмпирической реальности, ее «растительной» репрезентацией, прежде всего, соотносятся с земным измерением бытия. Поэтому, при всех христианских коннотациях этого знака, его семантический потенциал сопряжен с постулированием естественно-природной действительности ценностно утверждаемого адамизма. «Пшеница», будучи аграрной основой человеческого миропорядка, становится предметом культового поклонения многих народов: в её символике соединяются «зерновая» потенция и «хлебный» результат, продуцируя значения «плодородия, изобилия, выбивающейся из смерти жизни» [4, 100]. Так, именно созидательность как вектор смыслообразования задается в начале стихотворения «В степи» (1910):

Словно синий жар в печи
Под железною заслонкой –
Душны мглистые лучи,

И сквозь воздух жаркий, звонкий
Блещут красной перепонкой
Крылья тучной саранчи [2, 75].

Сравнение природного мира с «жаром в печи» имплицитно указывает на выпекаемый «хлеб», предстающий знаком витального начала в универсуме, которое проявляет себя вопреки губительным препятствиям степного пространства («воздух жаркий, звонкий», «крылья тучной саранчи»). Такой смертельный вектор развертывания лирического сюжета усиливается во 2-й строфе стихотворения: «И, как мокнувший лишай / Пыльной выжженной пустыни, / Посреди сухой полыни / Сочно вздулся молочай» [2, 75]. Степь здесь оказывается местом средоточия дикой флоры («полынь», «молочай»), жизненные процессы которой лишены бытийной телеологии. Поэтому степная действительность уподобляется пустынному пространству, при чем акцентирование в её облике «пыли» и «жара» вскрывают амбивалентность соляной мифологии в творчестве М. Зенкевича: «солнце» является одновременно источником и жизни, и смерти, определяя онтологические ритмы существования тварного мира и подчиняя земную реальность действию глубинных законов развития материи.

Представление о неразрывной связи витального и смертельного измерений бытия эксплицируется в 3-й строфе, в которой «растительный» хаос «выжженной» степи сменяется ее аграрной упорядоченностью, продуцирующей идеологему «прорастания» жизни в смертоносном пространстве:

Ночью ж взмахами крыла
Глухо плещутся зарницы,
Слушая, как точит мгла
Золотой налив пшеницы [2, 75].

Актуализация в финальной точке сюжетного строения текста «пшеницы» трансформирует ценностный статус созерцаемой лирическим субъектом степи, которая теперь мыслится областью бытийного преодоления губительного буйства природы. «Золотой налив пшеницы», маркирующий растительную фазу создания «хлеба» как источника жизненных сил, семантически смыкается с акцентированной в начале стихотворения «печью» (знаком финальной стадии хлебного производства) и тем самым вскрывает человеческое присутствие в естественно-природных координатах степного пространства. В контексте же рассмотренных выше «пшеничных» стихов «Дикой порфиры» в символике данного знака проступают его христианское (хлеб Евхаристии) и мифологическое (природное

плодородие) значения, формирующие солярную модель миропорядка. Причем «солнечный» аспект бытия здесь связан не столько с его материальной («красной»), сколько с духовной («золотой») репрезентацией, о чем свидетельствует ночное время субъектного «всматривания» в «налив пшеницы». Соответственно, степное прорастание зерновой агрокультуры утверждается в качестве акта онтологического одухотворения «адамистического» универсума, соотносимого с христианской системой ценностей.

Кроме того, в символике «пшеницы» здесь обнаруживаются национально-географические коннотации: представляя степную флору, пшеница становится маркером юго-восточного пространства России, которое в поэтике «Дикой порфиры» осознается как обширная пограничная область между природным хаосом и культурным порядком, взаимодействие и конвергенция которых призваны обеспечить целостность мира (Ср.: стихотворения «На Волге» (1910), «Две крови» (1910)). Обозначение русской действительности посредством «пшеничных» реалий, в свою очередь, актуализирует и те их значения, которые сформировались в славянской обрядовой практике, соединившей языческие и христианские представления о мироустройстве. В русских народных поверьях «пшеничный колос» обладает мощным магическим потенциалом и прежде всего наделяется защитными и провиденциальными функциями [12, 376–377]. Поэтому «золотой налив пшеницы» можно рассматривать как охранительное явление природного мира, духовный потенциал которого обеспечивает баланс жизни и смерти.

«Адамистический» и христианский аспекты сакрализации «пшеницы» в поэтике М. Зенкевича продуцирует соотнесение с «пшеничным колосом» человеческого «я». В стихотворении «И нас – два колоса несжатых...» (1911), в основе сюжетного развертывания которого лежит мотив любовного единения, лирический субъект метафорически уподобляет себя и свою возлюбленную зерновым растениям:

И нас – два колоса несжатых –
Смогла на миг соединить
В степи на выжженных раскатах
Осенней паутины нить [2, 76].

Репрезентация мужского и женского начал в облике «колосьев» обнаруживает сексуальные коннотации данного знака, восходящие к архаическим представлениям о «зерне» как символу оплодотворения земли и являемому ею плоду [9, 113]. В то же время присущая «пшенице» солярная семантика переводит это любовное

соприкосновение из чувственно-телесной области отношений в сферу духовного единства двух «я» и наделяет его статусом аксиологической вершины в системе жизненных ценностей лирического субъекта. Соединяясь, «он» и «она» ментально устремляются к высшим пределам мироздания: «И мы – два пышных пустоцвета – / Следили вместе, как вдали / Средь бледно-золотого света / Чернели клином журавли» [2, 76–77]. Однако «колосья» мужского и женского начал, оказываясь «пустоцветами», демонстрируют свое онтологическое несовершенство, которое обуславливает расподобление их любовного союза и свидетельствует о невозможности противостоять стихийным угрозам жизни, отождествляемой со степным пространством:

Но к ночи кочевая связь,
Блеснув над коноплей, бурьяном,
С меж заглохшей поднялась
В огне ненастливо-багряном [2, 76].

П. А. Чеснялис указывает, что аграрная метафора в этом стихотворении, создающая образ «человека-растения», оказывается амбивалентной, так как «колос» здесь одновременно продуцирует и семантику «пышности, <...> полноты», и «невестребованность, выпадение из организованного аграрного цикла» [15, 39]. Соглашаясь с этим суждением, отметим, что мужское и женское «я», уподобленные «несжатым» зерновыми растениями, здесь исключаются не только из земледельческого ритма существования, но и из самой логики солярного движения универсума, имплицитно связанного с христианской системой ценностей. Их бытие профанируется невозможностью не только восхождения к мифопоэтическому «золотому» светилу, но и принятия Солнца-Христа, на что указывает явно inferнальный характер изображения буйства степной природы, соотносимого с пламенем преисподней («В огне ненастливо-багряном»). Осознание лирическим субъектом экзистенциального изъяна осмысляемого любовного чувства, не выдерживающего натиска жизненной стихии, эксплицирует эгегическую направленность сюжетного развертывания стихотворения, вскрывая присущее элегии «ценностное напряжение <...> между “временами”, состояниями мира, укладами непрерывно текущей жизни: прошлым и настоящим» [11, 136]. Миг единения в прошлом сменяется вечной памятью о пережитом опыте телесно-духовного соприкосновения мужского и женского начал: «И страшен нам раскат пустынный, / И не забыть нам никогда, / Как робко нитью паутинной / Ласкала стебель наш слода!» [2, 77] При этом акцентированный в начальной и финальной точках сюжетной структуры и композиционно ее

«закольцовывающий» знак «паутинная нить» указывает на порочный характер явленного любовного единения, так как в христианской символической парадигме «паутина» «означает мирские силки дьявола и брэнность человеческого бытия» [4, 240]. Соответственно, «адамистическая» материя здесь онтологически «перевешивает» духовные устремления человека, с одной стороны, даруя ему элегически переживаемое счастья, а с другой – препятствуя достижению подлинной гармонии на оси «я – мир».

Итак, художественный знак «пшеница» в книге стихотворений М. Зенкевича «Дикая порфира» обнаруживает семантическую многомерность и предстает одним из существенных параметров формирования «адамистической» концепции мира. Являясь в структуре рассмотренных стихотворений элементом пейзажной организации поэтического универсума, «пшеничная» флора эксплицирует сопряжение витального и морального аспектов существования в их ценностно-смысловом со-противопоставлении. Будучи реалией природно-растительной действительности, «пшеница» отождествляется с «золотым» полюсом мироустройства, воплощающим в лирике М. Зенкевича духовное измерение бытия, и продуцирует соляные смыслы онтологического преобразования тварного мира. Именно «солнечная» семантика зерновой флоры оказывается проводником христианской аксиологии в стихотворениях поэта. «Пшеница», соединяясь на синтагматической оси текстостроения с такими знаками, как «рыбы», «пыль», «печь», «паутина», становится маркером явления Христа в земной реальности. Выстраивающийся ряд смысловых соответствий «колосья пшеницы – солнце – Христос» утверждает идеологему пути к конвергенции материального и духовного начал.

В свою очередь, аграрные свойства «колоса» и «зерна» раскрывают мифопоэтические коннотации «пшеничной» символики, восходящие к античным земледельческим культам и народным обрядовым практикам. Символизируя циклическую взаимосвязь жизни и смерти в их неразрывном единстве, «пшеница» предстает реалией природного мира, одновременно причастной и земной материи и соляной одухотворенности бытия. Эксплицируемые в моральном пространстве степи «пшеничные колосья» обнаруживают значения преодоления смерти и утверждения неизбежности витальных процессов мироздания, которые образуют ценностный каркас адамизма М. Зенкевича. При этом метафорическое уподобление человеческого «я» «колосу» вскрывает онтологическое несовершенство человека, подверженного инфернальным искушениям материально-природной

действительности и неспособного подняться до подлинных высот духовности. Соответственно, противопоставление сакрального статуса «пшеницы» и профанного самополагания в бытии человеческого «я» вскрывает магистральный конфликт «Дикой порфиры»: стремление к слиянию с одухотворенной материей и невозможность его достичь.

Как видно, символика «пшеницы», репрезентируемая в стихотворениях М. Зенкевича, свидетельствует о совмещении в «адамистическом» универсуме природно-аграрных, мифопоэтических и христианских смыслов, взаимодействие которых раскрывает базовые параметры художественной аксиологии, утверждаемой в поэтике книги «Дикая порфира».

Литература

1. Бальмонт, К. Д. Собрание сочинений: в 7 т. / К.Д. Бальмонт. – Т. 2. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. – 480 с.

2. Зенкевич, М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары / М. А. Зенкевич. – М.: Школа-пресс, 1994. – 688 с.

3. Кихней, Л. Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика / Л. Г. Кихней. – М.: МАКС-пресс, 2001. – 183 с.

4. Купер, Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. – М.: «Золотой век», 1995. – 398 с.

5. Лекманов, О. А. Книга об акмеизме / О. А. Лекманов // Лекманов, О. А. Книга об акмеизме и другие работы. – Томск: «Водолей», 2000. – С. 7–184.

6. Лекманов, О. А. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам / О. А. Лекманов. – М.: Intrada, 2006. – 124 с.

7. Полтаробатько, Е. Д. Природа и культура в русском постсимволизме: телесный код в поэзии М. Зенкевича / Е. Д. Полтаробатько // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2008. – № 3. – С. 11–16.

8. Тахо-Годи, А. А. Деметра / А.А. Тахо-Годи // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – Т. 1. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 671 с.

9. Тресиддер, Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 448 с.

10. Тырышкина, Е. В., Чеснялис, П. А. Эстетика адамизма: лирика М. Зенкевича 1910-х годов / Е. В. Тырышкина, П. А. Чеснялис // Идеи и идеалы. – 2017. – № 3 (33). – Т. 2. – С. 117–131.

11. Тюпа, В. И. Дискурс / Жанр / В. И. Тюпа. – М.: Intrada, 2013. – 211 с.
12. Усачева, В.В. Пшеница / В.В. Усачева // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под. ред. Н. И. Толстого. – М.: «Международные отношения», 2009. – С. 373–377.
13. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.
14. Ханзен-Лёве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / А. Ханзен-Лёве. – СПб.: Академический проект, 2003. – 816 с.
15. Чеснялис, П. А. Аграрная метафора в адамистической лирике Владимира Нарбута и Михаила Зенкевича / П. А. Чеснялис // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 11 (152). – С. 39–41.

References

1. Balmont, K. D. Sobranie sochineniy: v 7 t. [Collected Works: In 7 Volumes. Vol. 2]. – Т. 2. – Moscow: Book Club Knigovek, 2010. – 480 s.
2. Zenkevich, M. A. Skazochnaya era: Stikhotvoreniya. Povest'. Belletristicheskie memuary [Fairytale Era: Poems. Story. The Fictional Memoir]. – Moscow: School-Press, 1994. – 688 s.
3. Kikhney, L. G. Akmeizm: Miroponimanie i poetika [The Acmeism: The World Understanding and Poetics]. – Moscow: MAKSPress, 2001. – 183 s.
4. Cooper, J. Entsiklopediya simvolov [The Encyclopedia of Symbols]. – Moscow: “The Golden Age”, 1995. – 398 s.
5. Lekmanov, O. A. Kniga ob akmeizme [The Book about the Acmeism]. – In: Lekmanov, O. A. Kniga ob akmeizme i drugie raboty [The Book About The Acmeism and Other Works]. – Tomsk: “Vodoley”, 2000. – S. 7–184
6. Lekmanov, O. A. O trekh akmeisticheskikh knigakh: M. Zenkevich, V. Narbut, O. Mandel'shtam [About Three Acmeistic Books: M. Zenkevich, V. Narbut and O. Mandel'shtam]. – Moscow: Intrada, 2006. – 124 s.
7. Poltarobatko, E. D. Priroda i kul'tura v russkom postsimvolizme: telesnyy kod v poezii M. Zenkevicha [Nature and Culture in Russian Post-symbolism: Body Code in M. Zenkevich's Poetry] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Vestnik, RUDN University Journal. Series: Literary Studies. Journalism]. – 2008. – № 3. – S. 11–16.

8. Takho-Godi, A. A. Demetra [Demetra] // Mify narodov mira. Entsiklopediya: V 2-kh tomah. T. 1 [Myths of The World Nations. Encyclopedia: In 2 Volumes. Vol. 1]. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1991. – 671 s.
9. Tressidder, J. Slovar' simvolov [The Dictionary of Symbols]. – Moscow: FAIR-PRESS, 2001. – 448 s.
10. Tyryshkina, E. V., Chesnyalis, P. A. Estetika adamizma: lirika M. Zenkevicha 1910-kh godov [The Aesthetics of Adamism: Lyrics by M. Zenkevich 1910th Years] // Idei i idealy [Ideas and Ideals]. – 2017. – № 3 (33). – Vol. 2. – S. 117–131.
11. Tyupa, V. I. Diskurs / Zhanr [Discourse / Genre]. – Moscow: Intrada, 2006. – 124 s.
12. Usacheva, V. V. Pshenitsa [Wheat] // Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar' [Slavic Antiquities. Ethno-linguistic Dictionary] / Ed. N. I. Tolstoy. – M.: «International Relations», 2009. – S. 373–377.
13. Freidenberg, O. M. Poetika syuzheta i zhanra [Poetics of Plot and Genre]. – Moscow: Labyrinth, 1997. – 448 s.
14. Hanzen-Löve, A. Russkij simbolizm. Sistema poetičeskikh motivov. Mifopoetičeskij simbolizm. Kosmičeskaja simbolika [Russian Symbolism. The System of Poetic Motives. Mythopoetical Symbolism. Space Symbolics]. – St. Petersburg: Academic project, 2003. – 816 s.
15. Chesnyalis, P. A. Agrarnaja metafora v adamističeskoy lirike Vladimira Narbuta i Mihajla Zenkevicha [Agricultural Metaphor in The Adamistic Verse of Vladimir Narbut and Mikhail Zenkevich] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta [Vestnik, Tomsk State Pedagogical University Journal]. – 2014. – № 11 (152). – S. 39–41.

SYMBOLICS OF “WHEAT” IN “THE WILD PORPHYRY”
BY M. ZENKEVICH: ADAMISM AND CHRISTIAN AXIOLOGY

A. A. Chevtaev

Assistant Professor, Candidate of Philology,
Russian State Hydrometeorological University
(St. Petersburg, Russia)

Abstract

The article for the first time considers the range of meanings generated by the artistic sign “the wheat” in the first book of poems “The Wild Porphyry” (1912) by M. A. Zenkevich. The desire to understand the natural-material integrity of the universe in its various manifestations determines the actualization of the facts of the plant world in the poet’s verses. Central among species of flora in the poetics of “The Wild Porphyry” is “the wheat”,

placed in a strong position of structural-semantic organization of a number of poetic texts of the third section of the book (“Lyrics”). Expressed the hypothesis that “wheat” symbolics connects the natural, mythological and Christian contexts of “adamistic” world outlook approved in M. Zenkevich’s works. Despite the “material” version of acmeistic adamism explicated in the poet’s lyrics, the semantic potential of the studied element of poetic flora contributes to the verification of the ways of spiritualization of the world order. The structural-semiotic analysis of the four poems of the poet, which depict “the wheat” and its derivatives, shows that this sign produces the ideologeme of the opposition of life and death in their axiological unity. Revealing the solar meanings of ontological transfiguration of the created world, “wheat ears” are the conductor of Christian axiology. The emerging range of semantic correspondences “wheat – sun – Christ” generates the ideologeme of the way to the convergence of material and spiritual principles of being. At the same time, the actualization of Christian connotations in M. Zenkevich’s poetics not only does not exclude, but, on the contrary, strengthens the mythopoetic meanings of agrarian-natural reality. Symbolizing the cyclical relationship between the vital and mortal aspects of ontology, “the wheat ear” reveals the unity of earthly matter and the solar spirituality of the universe. The conclusion is made about the combination of natural, mythopoetic and Christian meanings in the artistic symbolism of “the wheat”, the interaction of which discloses the essential foundations of the artistic axiology explicated in the poetics of “The Wild Porphyry”. The search for the unity of life and death manifested by “the wheat” signs is obviously the highest value in the “adamistic” universe of M. Zenkevich.

Keywords: Lyrical Subject, M. Zenkevich, Poetics of Adamism, Poetical Flora, Structure of Plot, Christian Axiology, Artistic Symbolics

Поступила в редакцию 10.06.2019